

Григорий
БАКЛАНОВ

О РЯДОВЫХ ТОЙ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

НЕ ОДНИМ мной отмечено, что лето — не самая удачная пора, если судить не по количеству затраченных часов, а по результатам. Большинство написанного мною написано все же зимой, поздней осенью или весной.

Этим летом я заканчивал работу над пьесой «Чем люди живы», которую в нынешнем сезоне на сцене Театра имени Вахтангова ставит Евгений Симонов. Собственно, пьеса была написана, но она полежала, ясней стали некоторые вещи, и удалось, как мне кажется, написать их проще.

Вторая работа, которой я был занят, — сценарий. Он тоже, как и пьеса, о наших днях.

А вот повесть, которую писать начну с осени, о которой думаю давно и, о чем бы ни думал, все к ней возвращаюсь, — повесть о минувшей войне.

Есть определенные и никак пока еще не изученные волны читательского интереса. У них тоже свои высшие точки и свои спады, которые не случайны. Вдруг обостряется интерес к определенному времени. И именно об этом времени появляются книги. Это что, спрос рождает предложение? Или, наоборот, появились книги и возник интерес? Думаю, что тут процесс взаимный, в котором отражено то, что волнует общество. А волны эти не исчезающие, а повторяющиеся; вновь и вновь среди них грядет девятый вал.

Опросы у нас проводятся,

но нередко они преследуют специальную цель и ответы публикуют выборочно. А имело бы смысл, приносило бы пользу регулярное, научно-объективное изучение читательского спроса. Не сомневаюсь, что обнаружилось бы много любопытных вещей, и в частности то, что вкус читателей далеко не так уж безупречен.

Не этим ли объясняется, в частности, столь оживившийся в последнее время интерес к детективу? Разумеется, я не против жанра и не против острых сюжетов. Для своих великих романов Достоевский брал детективные сюжеты, а название мог дать прямо-таки полицейское: «Преступление и наказание». Другой вопрос, какая глубина промеряется тут. О глубине речь. О том, для чего, как и что расказывається, а не только о чем...

...Народ наш пережил величайшие испытания, принес великие жертвы; только ему под силу было победить в этой войне. Но народ — это не безликое нечто. Я приведу вновь слова Юлиуса Фучика, которые в свое время взял эпиграфом к одной из своих книг: «Придет день, когда настоящее станет прошедшим, когда будут говорить о великом времени и безымянных героях, творивших историю. Я хотел бы, чтобы все знали, что не было безымянных героев, а были люди, которые имели свое имя, свой облик, свои чаяния и надежды, и поэтому муки самого незаметного из них были не меньше, чем муки того, чье имя войдет в историю».

Повесть моя — о рядовых той великой войны, которые на себе вынесли все ее тяготы. Они были так же малы, как малыды юноши сего дня. И в грозную пору любили, и были счастливы, и так же вся жизнь была у них впереди. Но скольким тем жизням суждено было вместиться в единый миг! И этот миг бывал ярост.

Они оказались достойными выпавших на их долю испытаний, и потому многим нынешним поколениям дарована жизнь.